

Митрополит
Антоний
Сурожский

ЖИЗНЬ И ВЕЧНОСТЬ

15 бесед
о смерти и страдании

Фонд «Духовное наследие
митрополита Антония Сурожского»

2-е издание

Москва
«Никея»
2018

Содержание

Предисловие.....	9
Беседа 1. Как можно думать о смерти и встречать ее	12
<i>Память смертная</i>	<i>12</i>
<i>Личные воспоминания.....</i>	<i>26</i>
<i>Утрата.....</i>	<i>43</i>
<i>Реальность смерти</i>	<i>57</i>
Беседа 2. Дверь в вечную жизнь	69
<i>Ответы на вопросы.....</i>	<i>73</i>
Беседа 3. Перед лицом страдания	89
Беседа 4. Боль и гармония.....	107
Беседа 5. Страдание и смерть детей	125
Беседа 6. «Последнее слово не за смертью, а за жизнью».....	137

Беседа 7. Отношение к телу усопшего и православный обряд погребения.....	145
Беседа 8. Об исцелении	157
Беседа 9. Предельное испытание	161
<i>Ответы на вопросы.....</i>	<i>167</i>
Беседа 10. О страхе и прощении	177
Беседа 11. О покаянии	192
Беседа 12. «Как бы низко мы ни пали...»	195
Беседа 13. «Смерть — это таинство».....	199
Беседа 14. Дискуссия об аде и рае	211
Беседа 15. Уверенность надежды.....	220

*Книга построена на основе записанных
в период с конца 60-х годов по 2001 год бесед,
интервью, выступлений митрополита
Антония Сурожского, в которых он касался
тем смерти и страдания.*

Предисловие

Однажды я беседовал с митрополитом Антонием о пастырском служении в хосписе и общении с умирающими и их близкими. Я был тогда поражен обстоятельствами нашего разговора. Это происходило во время Сурожской епархиальной конференции в мае 2001 года — вокруг толпились люди, они общались, приветствовали друг друга, обменивались новостями, радовались встрече со старыми друзьями... Владыка Антоний отвел меня в сторону, в незаметную маленькую комнатку, закрыл дверь — и весь людской шум стих. За окном пели птицы, и деревья были все в цвету... Так мы посидели в безмолвии несколько секунд, и только потом начался наш разговор.

Я вспоминаю все это потому, что разговоры и проповеди владыки глубоко укоренены в духовном безмолвии. В безмолвии творческом, в тишине, располагающей к видению глубин собеседника, к видению того, как в нем отражается слава образа Божьего. Владыка

обладал удивительной способностью сосредотачиваться исключительно на том человеке, с которым он сейчас общался — на это время собеседник становился для него космосом.

Этот дар — говорить из глубины молитвенной тишины — чувствуется не менее остро, когда речь идет о смерти и умирающих.

Часто во время моего служения в Первом московском хосписе мне доводилось слышать: что надо говорить умирающему? Как общаться с его родственниками? Много лет назад я задавал владыке те же вопросы, но он не ответил мне, что именно нужно говорить. Он сказал, что самое главное — слушать. Слушать не просто для того, чтобы быть в курсе обстоятельств говорящего, но чтобы стать частью его жизни, его опыта. Именно так слушание может стать сочувствием — не обязательно отвечающим на вопросы, на которые часто и не может быть ответов. Слушание, научил меня владыка, может стать сопричастностью.

Материалы, собранные в этой книге, являются плодом того дара молитвенного созерцательного слушания, которым обладал митрополит Антоний. Он опирался не только на святоотеческую традицию, но и на опыт современных мыслителей и писателей, в том числе неправославных — подобно пчеле, которая, по

словам св. Василия Великого, собирает пыльцу с самых разных прекрасных цветов и приносит мед истинной духовной мудрости. Однако более всего владыка опирался на свой богатый личный опыт. Митрополит Антоний сталкивался со смертью не только по долгу своего пастырского служения, но и работая врачом, и принимая участие во французском Сопротивлении во время Второй мировой войны. Во всех его размышлениях мы видим личную веру в неокончателность смерти, в превосходство любви, в Свет Воскресения, который не затмит никакая тьма. И, в конечном итоге, эта книга — о надежде.

*Протоиерей Христофор Хилл,
настоятель часовни Живоначальной Троицы
при Первом московском хосписе*

Беседа 1

Как можно думать о смерти и встречать ее¹

Меня просили сказать нечто о смерти — о подготовке к ней и о том, как можно думать о смерти и встречать ее. В завершение я хотел бы поговорить о некоторых обрядах Православной Церкви, связанных со смертью, о том, что происходит с телом усопшего и как мы относимся к этому телу, которое было проводником всего, что делала душа.

Память смертная

Для начала я хотел бы попытаться рассеять отношение к смерти, которое выработалось у современного человека: страх, отвержение, чувство, будто смерть — худшее, что может с нами произойти, и надо всеми силами стремиться

¹ Беседы в лондонском приходе. Апрель — май 1984 г. Пер. с англ. Е.Л. Майданович. Впервые опубликовано под названием «Смерть» в сборнике: *Антоний, митрополит Сурожский. Жизнь. Болезнь. Смерть*. М: Зачатьевский монастырь, 1995.

выжить, даже если выживание очень мало напоминает настоящую жизнь.

В древности, когда христиане были ближе и к своим языческим корням, и к волнующему, потрясающему опыту обращения, к откровению во Христе и через Него — Живому Богу, о смерти говорили как о рождении в вечную жизнь. Смерть воспринималась не как конец, не как окончательное поражение, а как начало. Жизнь рассматривалась как путь к вечности, войти в которую можно было открывшимися вратами смерти. Вот почему древние христиане так часто напоминали друг другу о смерти словами: *имей память смертную*; вот почему в молитвах, которые, как драгоценное наследие, передал нам Иоанн Златоуст, есть строки, где мы просим Бога дать нам *память смертную*. Когда современный человек слышит подобное, он обычно реагирует неприятием, отвращением. Означают ли эти слова, что мы должны помнить: смерть, точно дамоклов меч, висит над нами на волоске, праздник жизни может трагически, жестоко окончиться в любой момент? Являются ли они напоминанием при всякой встречающейся нам радости, что она непременно пройдет? Значат ли они, что мы стремимся омрачить свет каждого дня страхом грядущей смерти?

Не таково было ощущение христиан в древности. Они воспринимали смерть как решающий момент, когда окончится время делания на земле, и значит, надо торопиться, надо спешить совершить на земле все, что в наших силах. А целью жизни, особенно в понимании духовных наставников, было стать той подлинной личностью, какой мы были задуманы Богом, в меру сил приблизиться к тому, что апостол Павел называет полнотой роста Христова, стать возможно совершеннее — неискаженным образом Божиим.

Апостол Павел в одном из Посланий говорит, что мы должны дорожить временем, потому что *дни лукавы* (Еф. 5: 16). И действительно, разве не обманывает нас время? Разве не проводим мы дни своей жизни так, будто наскоро, небрежно пишем черновик жизни, который когда-то перепишем начисто; будто мы только собираемся строить, только копим все то, что позднее составит красоту, гармонию и смысл? Мы живем так из года в год, не делая в полноте, до конца, в совершенстве то, что могли бы сделать, потому что «еще есть время»: это мы dokonчим позднее; это можно сделать потом; когда-нибудь мы напишем чистовик. Годы проходят, мы ничего не делаем — не только потому, что приходит смерть и пожинает

нас, но и потому, что на каждом этапе жизни мы становимся неспособными к тому, что могли сделать прежде. В зрелые годы мы не можем осуществить прекрасную и полную содержания юность, а в старости мы не можем явить Богу и миру то, чем мы могли быть в годы зрелости. Есть время для всякой вещи (см.: Екк. 3: 1), но когда время ушло, какие-то вещи уже осуществить невозможно.

Я не раз цитировал слова Виктора Гюго, который говорит, что есть огонь в глазах юноши и должен быть свет в глазах старика. Яркое горение затухает, наступает время светить, но когда настало время быть светом, уже невозможно сделать то, что могло быть сделано в дни горения. Дни лукавы, время обманчиво. И когда говорится, что мы должны помнить смерть, это говорится не для того, чтобы мы боялись жизни; это говорится для того, чтобы мы жили со всей напряженностью, какая могла бы у нас быть, если бы мы сознавали, что каждый миг — единственный для нас и каждый момент нашей жизни должен быть совершенным, должен быть не спадом, а вершиной волны, не поражением, а победой. Когда я говорю о поражении и о победе, я не имею в виду внешний успех или его отсутствие. Я имею в виду внутреннее становление, возрастание,

способность быть в совершенстве и в полноте всем, что мы есть в данный момент.

Подумайте, каков был бы каждый момент нашей жизни, если бы мы знали, что он может стать последним, что этот момент нам дан, чтобы достичь какого-то совершенства, что слова, которые мы произносим, — последние наши слова и поэтому должны выражать всю красоту, всю мудрость, все знание, но также и в первую очередь — всю любовь, которой мы научились в течение своей жизни, коротка ли она была или длинна. Как бы мы поступали в наших взаимных отношениях, если бы настоящий миг был единственным в нашем распоряжении и если бы этот миг должен был выразить, воплотить всю нашу любовь и заботу? Мы жили бы с напряженностью и глубиной, иначе нам недоступными. И мы редко сознаем, что такое настоящий миг. Мы переходим из прошлого в будущее и не переживаем реально и в полноте настоящий момент.

Достоевский в дневнике рассказывает о том, что случилось с ним, когда, приговоренный к смерти, он стоял перед казнью, — как он стоял и смотрел вокруг себя. Как великолепен был свет, и как чудесен воздух, которым он дышал, и как прекрасен мир вокруг, как драгоценен каждый миг, пока он был еще жив, хотя на

границы смерти. «О, — сказал он в тот миг, — если бы мне даровали жизнь, ни одно мгновение ее я не потерял бы...» Жизнь была дарована — и сколько ее было растеряно!

Если бы мы сознавали это, как бы мы относились друг ко другу, да и к себе самим? Если бы я знал, если бы вы знали, что человек, с которым вы разговариваете, может вот-вот умереть и что звук вашего голоса, содержание ваших слов, ваши движения, ваше отношение к нему, ваши намерения станут последним, что он воспримет и унесет в вечность, — как внимательно, как заботливо, с какой любовью мы бы поступали!.. Опыт показывает, что перед лицом смерти стирается всякая обида, горечь, взаимное отвержение. Смерть слишком велика рядом с тем, что должно бы быть ничтожно даже в масштабе временной жизни.

Таким образом, смерть, мысль о ней, память о ней — единственное, что придает жизни высший смысл. Жить в уровень требований смерти означает жить так, чтобы смерть могла прийти в любой момент и встретить нас на гребне волны, а не на ее спаде, так, чтобы наши последние слова не были пустыми и наше последнее движение не было легкомысленным жестом. Те из нас, кому случилось жить какое-то время с умирающим человеком,

с человеком, который осознавал, как и мы, приближение смерти, вероятно, поняли, что присутствие смерти может означать для взаимных отношений. Оно означает, что каждое слово должно содержать все благоговение, всю красоту, всю гармонию и любовь, которые как бы спали в этих отношениях. Оно означает, что нет ничего слишком мелкого, потому что все, как бы ни было оно мало, может быть выражением любви: как ты подашь чашку чаю на подносе, каким движением поправишь подушки за спиной больного, как звучит твой голос — все это может стать выражением глубины отношений.

Это очень важно, потому что накладывает отпечаток на наше отношение к смерти вообще. Смерть может стать вызовом, позволяющим нам вырастать в полную нашу меру, в постоянном стремлении быть всем тем, чем мы можем быть, — без всякой надежды стать лучшими позднее, если мы не стараемся сегодня поступить как должно. Опять-таки Достоевский, рассуждая в «Братьях Карамазовых» об аде, говорит, что ад можно выразить двумя словами: «Слишком поздно!» Только память о смерти может позволить нам жить так, чтобы никогда не сталкиваться с этим страшным словом, ужасающей очевидностью: *слишком*

поздно. Поздно произнести слова, которые можно было сказать, поздно сделать движение, которое могло выразить наши отношения. Это не означает, что нельзя вообще больше ничего сделать, но сделано оно будет уже иначе, дорогой ценой, ценой большей душевной муки.

Я хотел бы проиллюстрировать свои слова, пояснить их примером. Некоторое время назад пришел ко мне человек восьмидесяти с лишним лет. Он искал совета, потому что не мог больше выносить ту муку, в какой жил лет шестьдесят. Во время Гражданской войны в России он убил любимую девушку. Они горячо любили друг друга и собирались пожениться, но во время перестрелки она внезапно высунулась, и он нечаянно застрелил ее. И шестьдесят лет он не мог найти покоя. Он не только оборвал жизнь, которая была бесконечно ему дорога, он оборвал жизнь, которая расцветала и была бесконечно дорога для любимой им девушки. Он сказал мне, что молился, просил прощения у Господа, ходил на исповедь, каялся, получал разрешительную молитву и причащался — делал все, что подсказывало сердце ему и тем, к кому он обращался, но так и не обрел покоя. Охваченный горячим состраданием и сочувствием, я сказал ему: «Вы обращались

ко Христу, Которого вы не убивали, к священникам, которым вы не нанесли вреда. Почему вы никогда не подумали обратиться к девушке, которую вы убили?» Он изумился: «Разве не Бог дает прощение? Ведь только Он один и может прощать грехи людей на земле». Разумеется, это так. Но я сказал ему, что если девушка, которую он убил, простит его, если она заступится за него, то даже Бог не сможет пройти мимо ее прощения. Есть место в книге пророка Даниила, где говорится, что Даниил возносил молитву и Бог ответил ему, что молитва его тщетна, потому что старая женщина, обиженная им, молится против него и ее молитва прибывает к земле его молитву, как сильный ветер — дым, не давая ей взойти ввысь. Я предложил ему сесть после вечерних молитв и рассказать этой девушке о шестидесяти годах душевных страданий, об опустошенном сердце, о пережитой им муке, попросить ее прощения, а затем попросить также заступиться за него и испросить у Господа покоя его сердце, если она простила. Он так сделал, и покой пришел... То, что не было совершено на земле, может быть исполнено. То, что не было завершено на земле, может быть исцелено позднее, но ценой, возможно, многолетнего страдания и угрызений совести, слез и томления.